

3. Соткилава: *Моск. консерватория, 1978, 29 экз.*

«Я БЫЛ БЫ СЧАСТЛИВ»

«ОТЕЛЛО» В БОЛЬШОМ ТЕАТРЕ

Ни в одной другой опере Верди не оказался настолько самим собой, как в «Отелло», — писал один из исследователей его творчества. От возвышенной любви до темной ревности, от преданности до коварства — всю эту бурю чувств переплавил композитор в музыку подлинно театральной, образной.

Знаменитая вердиевская музыка зазвучала под сводами Большого. (Постановка Б. Покровского, художник В. Левенталь, дирижер Е. Светланов).

Что в этом произведении привлекло сегодня внимание постановщиков?

Каждая новая работа главного режиссера театра Бориса Александровича Покровского — не просто постановка того или иного произведения, но решение определенных творческих задач в развитии оперного искусства.

— Для постановки оперы необходимы многие условия, и первое из них — соблюдение эстетики и мышления автора. Мы ставим «Отелло» в тех принципах, в тех художественных категориях, в которых мыслил и писал Верди, — говорит Б. Покровский.

Художник «одел» сцену в строгие, мрачные конструкции, почти не изменяющиеся в ходе спектакля, в них живут, скульптурно выстраиваясь и распадаясь в музыкальном движении,

пластически совершенные многофигурные композиции Покровского. Опера начинается грандиозной вокально-симфонической картиной бури, в музыке назревает тревога, предчувствие борьбы и трагедии. И смятенная толпа, и вспыхивающие в мутной тьме фонари, и взмахи рук над кострами подтверждают, уточняют музыкальную тему... И тут же сцена вспыхивает жарким светом, на ней в стремительном темпе разворачивается картина пира, режиссерский рисунок ее похож на полотна старых итальянских мастеров, в ней и колоритная реальность, и театральная условность, продуманная и выверенная. С каждой сценой яркое оживление массовых сцен стихает, все точнее высвечиваются главные герои трагедии, их судьбы, их души.

Б. А. Покровский словно итожит сделанное:

— Если говорить об общем характере спектакля — то это сочетание психологического развития образов, образов многогранных и противоречивых, с театральной формой большой оперы.

Спектакль лишь тогда становится художественным произведением, когда театр ответственно представляет свое сегодняшнее понимание автора, вызывает современные ассоциации. Спектакль — это наши размышления. Кто такой, нап-

ример, Яго? Просто злой человек, отрицательный персонаж? Нет, это явление. Оно всегда существовало и существует в человечестве, оно породило нищезаискусство и фашизм. Это зло, и мы его выявляем. А «Отелло»? Этот образ еще сложнее и противоречивей. Отелло доверчив к Яго и недоверчив к Дездемоне, он делает дурной выбор. Почему? Это болезнь подозрительности.

В комплексе актерских средств большое место занимает собственно человеческая природа, и в решении образа актер должен исходить из своей природы. В этом принцип моей работы с актерами.

Отелло исполняют народные артисты СССР Владимир Атлантов и народный артист Грузинской ССР Зураб Соткилава. В облике Зураба Соткилавы есть все, что видится в шекспировском герое — мужественность и чуть тяжеловатая грация, внутренняя эмоциональная наполненность и внешняя сдержанность. Его тенор, сильный, свободно льющийся, богатый нюансировками, способен к драматическому звучанию, в то же время нежен и лиричен. Тем не менее роль давалась артисту нелегко.

З. Соткилава считает:

— Конечно, каждый актер мечтает спеть когда-нибудь Отелло, но если он дальновиден, то не станет торопиться. Опера Верди — синтез музыкальной, вокальной и драматической

выразительности, и чтобы передать все это на сцене требуются огромные творческие ресурсы, напряжение всех духовных и физических сил.

Покровский предложил мне эту роль еще в 1971 году, когда я только что пришел в Большой. Сначала я испугался, но когда услышал трактовку музыки Светлановым, когда понял режиссерскую концепцию Покровского, они совершенно перевернули мое представление об этом произведении, об образе. Отелло подозрителен не от слабости. Это гордый человек, уверенный в своих силах полководец. Но покою его личной жизни мешает цвет кожи. Не Дездемоне не верит Отелло, он не верит себе, своему счастью. Только поэтому Яго мог использовать в своих целях его ревность и гнев.

И сегодня в странах расовой дискриминации такой конфликт не покажется никому ни странным, ни старомодным. Мне хочется сказать еще — я был бы счастлив, если бы мое исполнение Отелло пробудило в зрителях то огромное волнение, ту предельность сопереживаний, которые этот образ вызывает во мне.

Новая постановка «Отелло» на сцене Большого театра — это размышление о творческих, нравственных и философских проблемах, это традиции, поиски, открытия.

Г. ЧИЖ.